

9.8.98

Табак Олег

“ Я вижу, что молодые
безоговорочно отменили
рай земной по Марксу ”

РУБЕЖ

74

недели до 2000 года

ВЕКОВ

На анкету «МН» отвечает
актер и режиссер Олег ТАБАКОВ

Макс. новостн. - 1998. - габл. - с. 13.

О СТРАХАХ ХХІ ВЕКА

Вспомним антиутопии, которые появились в начале нашего века, например «Мы» Евгения Замiatина. Вот это грозит людям и впредь — одиночество человеческого духа. Ведь коммунизм и ему подобные теории обнадеживали человека возможностью братства, товарищества, команды, что необходимо нашему сознанию как воздух. Отняв это, взамен нам ничего не дали. Земля и одинокий, голый человек на ней — вот что, по-моему, будет новым страхом. И преодолеть его необычайно трудно, для этого надо, во-первых, поверить в то, что первичен человек, а любая идея, даже самая прекрасная, все-таки вторична. Во-вторых, увидеть, что, рассуждая таким образом, кто-то уже достиг успеха и это путь хоженный. Не могу сказать, что таковы мои собственные страхи. Я лично не боюсь ХХІ века, потому что видел уже самое худшее: голод, смерть — я видел мертвых, когда бомбили Саратов, тяжелораненых, когда отец был начальником санитарного поезда. Но вот сознание нарушенной общности меня пугает. Как кучковаться-то будем?..

лаевне, которая воспитывала моих детей, растет и растет.

О ЖЕСТОКОСТИ

Думаю, что большей жестокости, чем та, которую уже познал ХХ век, не придумаешь. Во всяком случае, моя фантазия оказывается здесь бессильной. Если только не будет церковных войн, не пойдут конфессия на конфессию, хотя это тоже было. Поэтому хочу надеяться, что наш век исчерпал страшные запасы зла, а книги Светланы Алексиевич подвели своеобразную черту под перенем жестокости.

О ПОПЫТКАХ ВОЗРОЖДЕНИЯ КОММУНИЗМА

Если говорить обо мне — нет, никогда. Я жил двойной жизнью, начиная с четырнадцати лет. Именно в это время мой дядя подвел меня к окну — дом стоял напротив саратовского ТЮЗа, и там висел огромный портрет Сталина с ребенком в матроске и букетом ромашек — и сказал: «Вот, Леленька, этот слепокий погубил двадцать миллионов наших людей». С тех пор я и жил с двой-

кий мир... Там это может произойти в силу вакантности огромных и близких к исламу территорий. Конкретных имен не назову, на сегодняшний день их нет. У нас много пишут про авторитарную власть в сегодняшней Туркмении, но это, конечно, совсем другое, кстати, я очень хочу туда поехать и своими глазами увидеть, что же там происходит. Чечню я тоже не имею в виду, там трудно что-либо затевать, уж больно вокруг много других народов: раз — и споткнешься о Дагестан, два — и об Адыгею или другую страну, где живут сотни национальностей, а они, в отличие от нас, до-

многое дискредитировано за последние годы теми, кто олицетворял у нас в стране демократические нормы. В пьесе Александра Володина «Назначение» есть такая горько-ироничная реплика: «Кем ты был и что ты стал?» Потери здесь очень велики. А Россия всегда держалась на схимниках, столпниках — явление мессианства почти районировано было, каждый мог похвастаться: «А у нас вот этот есть». Кто теперь? Те, кто на страницах газет и у всех на слуху, в пророки не годятся. Так нельзя: одни нормы на словах, другие в жизни. Самое-то страшное,

что у нас люди, причем лидеры, никак не заживут по этим самым демократическим нормам и ценностям. Так что общественные и межгосударственные взаимоотношения на началах гуманизма должен регулировать закон: «Лишь там над царскою главой народов не легло страданье, где крепко с вольностью святой законов мощных сочетание», как сказано у Пушкина.

О НЕПОЗНАННОМ

Происхождение человека, возникновение жизни на земле — для меня это глав-

Есть необходимость кучковаться

О БОГЕ И АТЕИЗМЕ

Полагаю, что будут сделаны научные открытия, которые укрепят веру в Бога. Если удастся научно объяснить процесс перехода из живого мира, вернее, из того мира, который мы считаем живым, в мир другой, который наступает для души после физической смерти тела, если удастся доказать реальность существования души, то это будет величайшим событием в истории человечества. Потому что до этого момента есть простор для фантазии, есть возможность верить или не верить, а уж потом — извините! Кроме того, длительность жизни станет большой проблемой. Ведь самое трудное — это приготовить себя к угасанию. Об этом написана «Смерть Ивана Ильича» Льва Толстого — одиночество последней прямой. Я довольно рано это понял, может быть, когда случился первый инфаркт, и хорошо запомнил: какой бы любящий человек рядом ни был, последние шаги ты все равно делаешь один. Вера в Бога может здесь помочь. Кроме того, есть еще важное промежуточное звено — потребность связи с усопшими. Я почти с корыстными целями езжу на могилу мамы, потому что после того, как я там побываю и приберусь, дела мои начинают лучше идти. Нельзя забывать добро — а ведь единственное, что мы можем сделать для тех, кого уже нет, это прийти к ним на могилу. Тем более что вина за то, что я недодал маме, отцу, второй маме, Марии Нико-

ДОСЬЕ «МН»

ТАБАКОВ Олег Павлович

— популярный артист театра и кино. Родился в Саратове в 1935 году. Окончил школу-студию при МХАТе.

С 1957 года — актер и режиссер театра «Современник», с 1983-го — актер МХАТа. В 1974 году возглавил созданный им театр-студию.

С 1986 года — ректор школы-студии при МХАТе имени Чехова.

ной, а то и с тройной бухгалтерией. Я знал, как зверски пытали в тюрьме человека, который был влюблен в мою мать, чтобы он назвал ее имя, знал и еще многое, но жил, как будто этого нет. Не я один тогда так жил. Но важнее другое — сейчас я тесно общаюсь с молодыми и вижу, что они безоговорочно отменили рай земной, построение которого может быть достигнуто с помощью учения Маркса. Они уже на генетическом уровне не могут это принять.

О ДИКТАТОРАХ И ДИКТАТУРАХ

Я не думаю, что авторитарные правители могут появиться в Европе или в Америке, даже в Латинской Америке, это исчерпало себя. Но вот ислам-

вольно жестко отстаивают свои взгляды и куда менее терпимы. Ислам сам по себе — прекрасная религия, приводящая людей к обществу, сомыслию, сочувствию. Но наиболее крайние и агрессивные его течения, как ваххабизм, имеют сейчас последний исторический шанс что-то успеть, получить то, чего у них еще нет. Всегда опасен агрессивный авангард, находящийся на острие атаки, особенно если речь идет о религиозном учении.

О СКУКЕ КАК О ВСЕМИРНОЙ ПРОБЛЕМЕ

Это очень рационально-рассудочная постановка вопроса, мало общего имеющая с реальностью. Одно только последнее десятилетие в бывшей Югославии опровергает все гипотетические тревоги по части «оскучения» нашей жизни. Югославия по сравнению со всем остальным миром — капля в море, но вот уже на протяжении века тлеет этот балканский костер, и последствия его абсолютно непредсказуемы, их невозможно предугадать и просчитать. Так что такой тревоги — что мир заскучает — у меня нет.

О ДЕМОКРАТИИ И ГУМАНИЗМЕ

Демократические нормы требуют пророков, а у нас на них большой дефицит. Когда я думаю о своих пророках, то вспоминаю Александра Исаевича Солженицына, Дмитрия Сергеевича Лихачева, Сергея Сергеевича Аверинцева, Виктора Петровича Астафьева... Но в то же время

наша тайна. И страшно ее разгадывать: поймешь еще, что надо отселиться куда-нибудь, что все скоро кончится.

О СЕМЬЕ, РЕВНОСТИ И СЕКСЕ

Браки в более раннем возрасте? Да, похоже, к этому идет. Однако такому процессу мешает низкий уровень жизни. А вот серьезных изменений в отношениях между полами не произойдет: человек ведь мало изменился со времени Рождества Христова. Отношение к браку будет прежним и вполне традиционным: сексуальные меньшинства в своем восхождении уже достигли пика (как, например, трехсот-тысячные демонстрации в Париже в их поддержку), и, я полагаю, дело здесь пойдет на убыль.

ОБ ИСТОЧНИКАХ РАДОСТИ

У меня свой порядок: на первом месте любовь и дети. Самые лучшие дети рождаются от любви — я это точно знаю, имею положительный опыт. Потом уже профессия, при которой ты счастлив. Но любовь всегда была для меня главным и, по сути, единственным источником жизненной силы. Что же касается финансового достатка, то приведу такой пример: я бывал в Париже без денег, с суточными Госкино, затем был гостем министра культуры Франции, а однажды даже гостем самого президента. Но Париж оставался Парижем, и это никак не зависело от размера кошелька. Надеюсь, что таким же он останется и в следующем столетии.